

Позднее, при Генрихе III, алхимик Блез де Вижнер впервые предпримет, опередив в этом отношении немца Иоганна Тритемия, попытку методического изложения криптографии. Однако он ограничился лишь сбором и классификацией различных тайных алфавитов, которыми охотно пользовались средневековые алхимики, хотя и усовершенствовал при этом методы, бывшие в ходу у его предшественников - греческих алхимиков Александрии, а затем у арабов.

Это сознательное стремление соблюдать тайну было всегда присуще алхимикам. Алхимический трактат «Торф философов» содержит следующее недвусмысленное предупреждение: «Знайте же, что эта наука проще какой бы то ни было иной, однако сами слова и порядок изложения затемняют ее, ибо невежды слушают наши слова, не понимая нас».

Символические сны и сновидения

В алхимической литературе периода Средних веков часто встречаются пересказы символических снов и сновидений.

Одним из наиболее известных текстов подобного рода является уже упоминавшийся нами «Зеленый сон» Бернара Тревизана. В нем тесно переплелись пассажи, которые следует истолковывать в соответствии с правилами традиционной алхимической символики, применявшейся к Великому минеральному Деланию, с изложением опыта психических переживаний адепта во сне и посредством воображения.

Существует также обширная литература, представляющая собой искусно сконструированные символические рассказы о чудесных путешествиях. Примером этого в исламской спиритуальной алхимии может служить «Рассказ об изгнании на Запад», принадлежащий персу Сохраварди (1155-1191). В нем повествуется о весьма опасном путешествии. Главный герой садится на корабль. Потерпев кораблекрушение на рифах, он высаживается на страшном острове Гога и Магога. При помощи гениев огня герой реализует там два последовательных этапа Великого Делания (сначала получение лунного эликсира - трансмутация в серебро, а затем солнечного эликсира - трансмутация в золото).

Адепт постигает даже самые великие тайны алхимии: «Когда ты получишь эти сведения из надежного источника, ты сможешь воскрешать из мертвых». Затем он восходит на четыре символические вершины (Сад, Нам, Каф и Синай), после чего прибывает в страну царицы Савской, где произрастает завязь летучего вещества, служащего необходимой предпосылкой Небесного Воскресения. Однако весь этот рассказ представляет собой не просто весьма поэтический вымысел: автор облек в такую форму очень точное описание собственных внутренних переживаний, происходивших к тому же параллельно с чередовавшимися этапами операций Великого минерального Делания.

Предоставим слово Сохраварди:

«...В конической форме (сердца) я увидел небесные тела; я соединился с ними и услышал их музыку [музыку сфер], их мелодии. Я приобщился к их концерту; звуки ударили мне в уши подобно скрежету, производимому цепью, которую тащат вдоль камней. Мои мышцы готовы были разорваться, а суставы мои достигли предела своей прочности - столь велико было испытанное мною наслаждение. Оно беспрестанно продолжалось вплоть до того самого момента, когда белое облако, рассеявшись, исчезло, а перепонка лопнула».

В текстах, в коих повествуется об аналогичном теософском озарении, очень часто встречается эта аллюзия на облака, которые рассеиваются, чтобы появился сияющий Свет.

В прочих алхимических текстах, содержащих описания символических путешествий, перипетии разворачиваются в более скромных масштабах. Вот показательный пример из «Книги двенадцати врат» английского алхимика Джорджа Рипли: